

ЦИКЛ
«БАГАГА. ЕГОР ВОЖНИКОВ»:

АТАМАН

ВОЕВОДА

НОВАЯ ОРДА

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

КРЕСТОВЫЙ
ПОХОД

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 79

Разработка серийного оформления *С. Власова*

В оформлении переплета использована работа
художника *В. Ненова*

Прозоров А. Д.

П 79 Крестовый поход / Александр Прозоров. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с.

ISBN 978-5-699-64733-0

Не было в Средневековье государства мощнее Литвы. Вступив в унию с Польшей, принудив к союзу Молдавию, каждый год оно прирастало новыми землями на юге, востоке и севере. Ватага атамана Заозерского была пылинкой в сравнении с ним. Однако наш современник Егор Вожников, волею случая оказавшийся в средневековой Руси, уже успел допустить ошибку, заточив дочь Витовта в монастырь. Теперь великий князь Литовский и Русский горит желанием ему отомстить. Помочь Егору в этом противостоянии могут только горстка алмазов и подаренная купцу Михайле Острожцу в далеких краях индийская девушка Манджуша...

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64733-0

© Прозоров А. Д., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Ярлык

Октябрь в Заволочье выдался дождливым. Почти три недели кряду небо плакало над сосновыми борам и осиновыми рощами, над озерами и топями, превращая дороги в ручьи, ручьи — в реки, а засеянные озимыми поля — в жидкое месиво. С тесовых крыш княжьего городка постоянно хлестали настоящие водопады, стекая вдоль стен к воротам, угрожая подтопить склады и изрезать двор глубокими оврагами.

Впрочем, теперь столицу Заозерского княжества можно было смело называть не «городком», а настоящим городом. Несколько тысяч воинов, вернувшихся из похода с полными карманами серебра, не спешили расходиться от удачливого воеводы, осев по окрестным постоялым дворам, домам и даже баням и весело прогуливая добычу в кабаках и трактирах. Дожди загнали храбрых вояк под крыши, и питейные заведения буквально трещали от набившихся в них гостей.

Как обычно и бывает, к серебру быстро подтянулись купцы, доставляя на ходкое место вина, пиво и угощения, привозя плотников и печников,

дабы побыстрее сладить новые постоянные дворы, забирая из прежних домов своих стряпух и поваров, слуг, которым тоже нужно было что-то есть и где-то жить... Одно цепляло другое, и до самой распутицы Заозерск пух, словно на дрожжах, что ни день обрастая новыми улицами. Еще год-два такой жизни — Новгород размерами превзойдет. А то и Москву.

Княгиня Елена от подобного преобразования родового гнезда наливалась гордостью. Теперь она строила планы возведения каменного храма, выравнивания и мощения набережной, основания монастыря и расширения крепости — иначе свой старый дом она более и не называла. Может статься, уже и розмыслов бы созвала, наказы по переделке раздала... Но — дожди, дожди... Ни гонцов послать, ни строителей привезти, ни даже просто самим выйти, на месте улицы посмотреть — где что возводить, а где сносить надобно.

Посему и нынче после обеда, проведав сына и проследив, насколько ласково обращается с ним кормилица, Елена отложила великие планы перестройки на потом и занялась разборкой доставленных из Орды сундуков с подарками, отчетами, доносами, грамотами, просьбами и прочей канцелярщиной. Разбирала, разумеется, по-княжески: восседая в кресле в роскошном платье из зеленого бархата, сверкающем из-за рассыпанных по груди и рукавам самоцветов, с трехъярусным золотым колье на шее, в украшенном жемчугами кокошнике и со спадающей с него серебристой понизью. Перед госпожой в пяти шагах, аккуратно в центре плот-

ного и мягкого татарского ковра, стоял открытый сундук.

Милана доставала из сундука очередной свиток, разворачивала и подносила к хозяйке. Незнакомый Егору паренек из дворни услужливо освещал бумагу, поднося к ней трехрожковый подсвечник с ароматными маканными свечами¹. Княгиня пробежала глазами по строчкам и, небрежно щелкнув пальцами, командовала:

— В мусор! Отписка боярская о расходах на постой. И эту в мусор. Отписка о переходе пяти сотен казанских от арыка к арыку. Это уж и вовсе ни о чем! Копыто обоз с осемью телегами привел, Нестор ладьи на Ахтубу передвинул, три сотни на ушкуях в Хаджи-Таркан за хлебом ушли, наряд семи пищалей Кривоzubу отправлен... Нечто они о каждом шаге тебе отписывались, любый?

— Пока в отъезде был, Никита Кривонос записывал, дабы не забыть, — сказал от окна князь Заозерский, по-прежнему охотно отзывающийся на имя Егор. Фамилию же свою — Вожников — он не слышал уже настолько давно, что начал потихоньку забывать. — Зачем тебе это бумагомарательство, Аленушка моя желанная?

Знаменитый атаман ушкуйников был наряжен в попугайской расцветки ферязь, подбитую собо-

---

¹ Такие свечи получались путем многократного макания фитиля в расплав воска с промежуточной сушкой. Свечи при этом получались гладкими и ровными. Если макать заготовку в расплавы разного цвета — то еще и декоративными. (*Здесь и далее — примечания автора.*)

лями. Малинового цвета, с синими и зелеными шелковыми заплатами¹, да еще поверх оранжевых шаровар, заправленных в красные сапоги! Дома, в далеком двадцать первом веке, он не надел бы такой ужас даже под угрозой расстрела. А вот здесь пришлось. Елена, подарившая ему сына, так долго ждала его из похода, так хотела порадовать подарком... Разве откажешь? Мода зла.

— Коли не желаешь обманутым оказаться, Егорушка, за всеми делами личный пригляд надобен, — с ласковой снисходительностью ответила женщина и снова щелкнула пальцами, оценив очередную записку: — В мусор!

— Милая, да брось ты это! — Через два слоя слюды очертания двора угадывались с большим трудом, и Егор отвернулся, подошел к супруге, снял с подлокотника ее руку, поцеловал: — Пойдем лучше, отдохнем. Тебе после родов лежать больше нужно. Как бы не приболела. Поручи дворне, пусть рассортирует. С Айгиль, новой ханшей ордынской, у меня договор есть, а все остальное — мелочи.

— Кто такой синьор Амедео Феруччи, княже?

— Купец венецианский, — прищурился Егор, вспоминая сутулого итальянца с тощими ногами, затынутыми в коричневые штаны-чулки. — Мы с ним по пьянке сговорились маршрутные омни-

---

¹ Ф е р я з ь — одежда, больше всего похожая на короткое пальто без воротника, а иногда — и без рукавов. З а п л а т ы — вид украшения, называвшегося вошвами. Вошвы вырезались из более дорогой и яркой ткани, нежели основная, и пришивались туда, где «красиво».

бусы по Сараю пустить. Оборотистый мужик, всего за месяц все устроил.

— Пустить что? — не поняла княгиня.

— Ездят повозки по улицам из одного конца города в другой, — пояснил Егор. — Кому пешком идти лень, в них садятся, до нужного места едут и там спрыгивают. За денежку, естественно.

— Согласия просит синьор прибыль полученную в новые повозки вложить.

— Так пускай, — пожал плечами князь.

— А ты молвишь — дворне поручить! — мягко укорила супруга Елена и распорядилась: — К подставке письменной отнеси, Милана. Вечером отпишу. И без того, мыслю, фряг ответа заждался. Чего там дальше?

Вожников понял, что в ближайшие часы остаться с женой наедине у него не получится, и побрел обратно к окну. Больше всего ему сейчас хотелось скинуть этот дурацкий наряд, влезть в свою любимую вошеную кожаную куртку, подаренную поморами — легкую, непромокаемую, теплую, — да забуриться в какой-нибудь кабак, к ватажникам. Выпить пива, побороться на руках, вспомнить удачный поход. А то соскучился, понимаешь, по любимой... Поцеловать, и то не получается!

— В мусор!.. В мусор!.. В мусор!.. — методично продолжала сортировать походный архив княгиня. — О, челобитная. Бей Урум челом тебе бьет, просит дозволения с родом своим к тебе под руку отъехать. Чем-то ханом своим недоволен. То ли пастбища его кому-то отдали, то ли колодцы... Ви-

дишь, Егорушка, ныне уже не в Литву ордынцы просят, и даже не в Москву. Тебя выше прочих князей ставят.

— Не помню такого, — вновь пожал плечами князь.

— И что из того? Нечто тебе полтора сабель лишними будут? Али это он всех домочадцев счел? С детьми и бабами? А, все едино. Людишки лишними не бывают. Милана, к подставке отнеси!

Егор вздохнул, прикидывая, чем бы таким полезным заняться. Он, конечно, обещал сегодня утром утонувшей в подушках Елене не оставлять ее больше в одиночестве ни на минуту. Но предполагал-то он совсем другое общение с супругой. Не чтение пыльных походных грамот, а кое-что более интересное и полезное для продления рода. Стоять же перед окном он вполне мог и в другой компании.

— В мусор... В мусор... В мусор...

От воспоминания, что в погребке стоят несколько бочонков с хмельным медом, рот у Егора наполнился слюной. Шипучий, сладкий, пахнущий летом, пчелами, лугами и цветами, затекающий в горло прохладными шипучими пузырьками, наполняющий сытостью и бодростью. И тащиться под дождем никуда...

— А-а-а!

Отчаянный крик жены заставил его сорваться с места. Егор кинулся к княгине, схватил за плечи, прижал к себе:

— Что с тобой? Что с тобой, милая? Тебе плохо? Что-то болит?

— Ярлык! — Елена, казалось, даже не заметила, что ее тискают сильные руки мужа. Округлив глаза, она тыкала тонким белым пальцем в развернутую дворовой девкой грамоту. — Ярлык! Ярлык хана Темюра тебе на княжение! На все Галицкое княжество! Тебе! От хана! Ярлык! Откуда?!

— А пес его знает. Не помню. Ты как? Ты почему кричала? Живот болит?

— Как можно не знать про ханский ярлык, Егор? — повысив голос, аж привстала со своего кресла Елена. — Как можно не помнить про ордынский ярлык?!

Вожников причин волнения жены совершенно не понимал. Когда он общался с реконструкторами, то слышал от них побасенку, будто русские князья, получив в руки ордынский ярлык на владение уделом, шли с ним в сортир и демонстративно подтирались рыхлой бумажкой. И именно поэтому ни единого ярлыка, дарованного Ордой русским князьям, не сохранилось. Тогда Вожников не очень поверил услышанному и даже попытался проверить все через Интернет. Однако на разных исторических сайтах анекдотец повторялся практически полностью, окультуренный лишь тем уточнением, что ярлыки благородно сжигали.

Более глубокие поиски вывели Егора на версию о том, что в шестнадцатом веке группой историков был составлен разветвленный заговор с целью сокрытия факта существования Ига, и во всех архивах России и Европы княжеские ярлыки и всякие упоминания о них были уничтожены, а для пушей

путаницы оставлены ярлыки митрополитов и князей литовских.

Подобной бредятины его мозг не вынес, и больше Вожников этим вопросом не интересовался. Но отношение к «туалетным бумажкам» у него сохранилось снисходительное.

— Какая разница, откуда он взялся? — сказал Егор. — Я этого Темюр-хана чуть не собственными руками там, в Орде, шлепнул. Так что цена этой писульке — что прошлогоднему снегу. Выбросить и забыть.

— Егор!!! — в отчаянии схватилась за голову княгиня. — Да как же ты не понимаешь?! Этой писулькой законный правитель Орды, чингизид по крови и званию, признает тебя законным властителем земель верхневолжских! Он признает тебя князем! Теперь все, ты — князь! Пусть даже грамоту сию он бы тебе на дыбе подписал — все едино она тебя вровень с прочими родами княжескими ставит!

— Любой указ только тогда силу имеет, когда за ним мечи ратников блестят и копья конницы покачиваются, — наставительно произнес Вожников. — Все остальное — треп пустой.

— Ой ли, супруг мой любимый? — крепко взяла его за руку Елена. — А скажи мне, Егорушка, у кого сила была в Орде Заволжской, когда ты туда летом приплыл? У Едигея старого али хана Булата юного?

— Знамо, у Едигея. Булат-то чистой марионеткой на троне сидел.

— Коли сила у Едигея, отчего не сам он правил, а Булата ханом признавал?

— Так ведь Булат чингизид, а Едигей просто эмир. По законам татарским только чингизиды право повелевать имеют.

— Повтори, милый, я не расслышала, — ласково попросила Елена.

— Едигей не принадлежал к роду чингизиды... — Молодой человек запнулся, наконец-то поняв, что имела в виду его жена.

— Вот видишь, Егорушка... Выходит, не токмо сила важна в делах княжеских. Помимо меча, надобно и закон на стороне своей иметь. Иначе владений не удержать. У тебя отнять не смогут — у сына заберут. Сын выстоит — внука безродностью попрекнут. Коли закона и обычая за тобой нет, то рано или поздно, но княжество все едино рухнет. И по нашей вине потомки наши по миру нищими пойдут.

— Так, коли соседи сильнее окажутся, они все едино все отберут.

— Ты, любый мой, прямо как не от мира сего... — Елена перехватила его ладонь обеими руками, ласково погладила, смягчая слова. — Вот, допустим, князем ты стал самоназванным. Выкроил себе мечом державу, боярам уделы роздал, правишь. И вроде все тебе хорошо. Поскольку словом своим ты их землей наградил, то и держаться за тебя они станут крепко, ибо без тебя ее потеряют. После смерти твоей они потому же и сына нашего признают, ибо никто другой за ними вотчин признавать не станет. Однако же, Егор, коли кто из бояр сих в державу другую отъедет, его никто и на порог не пустит, на службу не призовет, за один стол с ним не сядет.

Ибо, скажут, какой из тебя боярин? Вор твой хозяин, животи́на безродная. И все его награды — тоже воровские.

— А если боярин тот... — сжал кулак Вожников, но жена подняла палец:

— Подожди, это еще не все. Судьба переменчива, власть в княжестве когда-нибудь в иные руки перейти может. Мало ли, род прервется, али еще что? Новый правитель первым делом что скажет? Скажет он: на что мне бояре воровские? С такими слугами меня самого уважать никто не станет. И земли все эти крадены, на них прежние хозяева могут права свои предъявить. Зачем мне лишние ссоры и раздоры? Не проще ли родам древним и известным эти уделы раздать? У воровского рода прав нет, у них отчины отнимать не грешно. И бояре все то понимают, задумываются. Ведь жизнь коротка. Во первую голову не о себе, о детях думать надобно. На что им слава воровских удельщиков? Вот потому-то, любимый мой, к тебе никто из бояр в войско и не идет. Токмо те, кого князи посылают. Не тебе они — своим господам служат.

— Ну, положим, ватага моя покрепче любой здешней армии будет! — обиделся за своих соратников Егор.

— Ватажники твои, милый, ничем к тебе не привязаны. Захотели — приказа послушались. Захотели — спать легли. Сегодня позвал — придут. Завтра — могут и полениться. Ватажник от боярина тем отличается, что серебришко свое получил — и все, вольный человек. Можешь больше и не уви-

деть. А боярин при тебе на земле сидит, никуда не денется. Приказа не исполнит — без вотчины останется. И потому, княже, бояре в поход всегда выйдут. И когда хотят, и когда не очень. И когда добыча будет, и когда без нее животы класть приходится. А ватажников твоих поди кликни на смерть славную, от которой прибытка никакого не ожидается. Токмо на смех поднимут, и хорошо, коли в спину не плюнут, когда с пустыми руками уйдешь.

— Подожди! — вспомнил Егор. — Сама только что челобитную читала, что бей какой-то ко мне под руку просится!

— Вот потому и просится, — перехватив из Миланиных рук, вскинула свиток княгиня, — что ты больше не воровской атаман! Признанный чингизид, законный хан Орды князем тебя признал и уделом наградил. А коли чингизид тебя князем признает — то все, ты этот самый князь и есть. Имеешь право владеть, править, награждать, раздавать земли и вотчины. И теперь, если даже через сто лет или пять столетий, или даже пятьдесят веков кто-то посмеет оспорить полученную от тебя, Егор, или потомка твоего награду, то всегда, в любой из дней люди смогут войти в архив наш, открыть сундуки пыльные, достать грамоту эту и убедиться, что род чингизидов за тобой права и звание княжеское признает, и оттого никто в родовитости князей Заозерских сомневаться не смеет! Пуще зеницы ока ярлык этот беречь надобно. Ибо в нем все будущее наше и детей наших.

— Подожди... — Из лекции Елены Вожников выхватил самую главную мысль: — Ты хочешь ска-